

Убрав двор, Чжоу Сяолэ дважды прошёлся перед дверью Чжоу Цинцин. Не услышав из комнаты никаких звуков, он немного постоял, затем развернулся и вошёл в ту комнату, где раньше, пока были живы отец и мать, жили родители. Раз в несколько дней комнату убирали, поэтому пыли внутри было немного. Духовные таблички, стоявшие на квадратном столе, тоже были очень чистыми. Чжоу Сяолэ сложил ладони перед табличками и трижды поклонился.

Боясь, что Чжоу Цинцин проснётся рано, Чжоу Сяолэ не смел медлить. По воспоминаниям прежнего владельца тела он нашёл письменные принадлежности, которыми при жизни пользовался отец. Все эти вещи были уложены в сундук; обычно Чжоу Цинцин, приходя убираться, не трогала эти сундуки, и даже если бы чего-то стало меньше, это не сразу заметили бы. Поэтому первым делом он и подумал о бумаге и туши в сундуке.

Чжоу Сяолэ вытащил всю бумагу, примерно сложил её, прикинул толщину и остался вроде бы доволен; затем быстро достал кисть и тушь, закрыл сундук, поставил всё обратно на прежнее место и, захватив бумагу, кисть и тушь, поспешно вернулся в свою комнату.

В следующие несколько дней Чжоу Сяолэ тоже не выходил из дома: восстанавливал силы, а после полудня, когда Чжоу Цинцин отдыхала в сиесту, возвращался к себе и возился с чем-то. Так прошло несколько дней. В этот день после полудня Чжоу Чуся пришёл в гости; увидев, что состояние у Чжоу Сяолэ неплохое, он захотел позвать его вместе сходить на склон Мацяньпо собрать хвороста. Чжоу Сяолэ вспомнил о тех нескольких поленьях, что оставались на кухне, и без колебаний сообщил Чжоу Цинцин, а потом вернулся в комнату, взял какую-то вещь, сунул за пазуху и вместе с Чжоу Чуся вышел из дома.

Дом Чжоу Сяолэ стоял неподалёку от въезда в деревню Цяньлю: войти в деревню, перейти мост, пройти немного вправо, и он там. А до склона Мацяньпо нужно было всё время идти по правой дороге до самого конца; дойдя до реки, перейти её вброд, и вот уже тропинка, ведущая в горный склон. К этой реке приходило мало людей: большинство всё же стирали одежду и набирали воду у деревенского моста. Участок у Мацяньпо находился ниже по течению; идти сюда было довольно далеко и укромно, так что приходили сюда разве что тогда, когда хотели наловить рыбы.

— О, да это ведь Лэ-гэр, верно? Когда уже назначите день для радостного дела?

Они едва успели пройти немного, как увидели у ворот одного дома несколько тётушек, сидевших и плетущих что-то из бамбуковых полос. Руки у них работали быстро: в несколько движений уже появлялось пару рядов плетения. Рядом сидела ещё одна тётка, без дела щёлкавшая семечки. Чжоу Сяолэ её смутно помнил: это была та самая тётка Чжан, которая несколько дней назад помогала Ван Гуйчжэнь бить Цинь Сань-нян. Только что говорила именно она; договорив, она несколько раз сплюнула изо рта шелуху от семечек.

Чжоу Сяолэ не хотел обращать на неё внимания, но тётке Чжан и не нужен был его ответ. Она толкнула локтем сидевшую рядом женщину и, будто собиралась сказать что-то шёпотом, подняла глаза, выпятила губы, но голос её был совсем не тих:

— Глянь на меня, я уж почти и забыла: наш Лэ-гэр ведь не хочет выходить замуж, говорит, что его брачное дело может решать только его старшая сестра. Да только кто не знает, что у его старшей сестры самой-то судьба не устроена; где уж ей досуг хлопотать о его браке, верно ведь?

Сидевшая рядом женщина с неловким видом поддакнула и дважды сухо рассмеялась. Получив отклик, тётка Чжан сразу приободрилась и продолжила зудеть:

— Но ведь человеку, хочет он замуж или нет, не всегда самому решать. Скажи, если гэр из чистой семьи, с отцом и матерью, которые его любят, это ещё ладно. А вот гэр, чьё тело уже чужой человек всё увидел, где уж ему самому решать?

Чжоу Сяолэ слушал без интереса. Эти слова он вовсе не принимал близко к сердцу: от пары фраз кусок мяса не отвалится, незачем стоять здесь и спорить. Только Чжоу Сяолэ было всё равно, а Чжоу Чуся слушать такое не мог. Но он никогда ни с кем всерьёз не ссорился; хотя обычно говорил без остановки, теперь грязно выругаться он тоже не умел и мог лишь снова и снова повторять:

— Не смейте говорить вздор! Лэ-гэр не такой человек!

— Так было или нет - все в тот день видели! Хм, сам распущенный, да ещё и всю деревню позором пачкает! — чем дальше говорила тётка Чжан, тем сильнее злилась.

Стоило Чжоу Сяолэ увидеть, что она открывает рот, как он сразу потянул Чжоу Чуся на два шага назад, чтобы слюна не долетела. Затем он фыркнул и с усмешкой сказал:

— По-моему, доброе имя деревни портите как раз вы, тётушка. Раз вы сами говорите, что это распущенность, так почему ещё всюду об этом болтаете, будто боитесь, что люди не узнают: в вашей деревне Цяньлю появился распущенный гэр? Если бы в другой деревне случилось такое, там бы ещё скрывали да прикрывали, а почему у вас рот такой широкий и всё только «бла-бла» да «бла-бла»?

В этих словах было что-то вроде «нанести врагу тысячу ран и самому потерять восемьсот»; остальные несколько женщин, услышав это, даже перестали плести бамбуковые полосы. Разве бывает, чтобы человек сам называл себя распущенным? Э-э, это, это, это... и правда как-то распущенно!

Тётка Чжан от его слов опешила. Она не знала, что сначала опровергать - его слова о том, что она «всюду болтает», или соглашаться с фразой «в деревне Цяньлю появился распущенный гэр». Она даже забыла щёлкать семечки; шелуха не удержалась на губе и упала.

Чжоу Сяолэ остался доволен. Говорят, что он распушенный, ну и пусть будет распушенным. Может, если это разнесётся, ещё и многих неприятностей удастся избежать.

В этот момент Чжоу Сяолэ ещё не знал, насколько страшны слухи и пересуды; он лишь считал себя современным человеком, у которого нет таких старомодных мыслей. Но сейчас он находился в этой среде, а когда обстоятельства сильнее человека, приходится склонять голову.

Сказав это, Чжоу Сяолэ потянул Чжоу Чуся и ушёл. Раз уж есть время спорить с людьми, лучше уж набрать побольше хвороста и отнести домой.

Чем дальше они шли на восток, тем меньше попадалось домов. Большая часть деревни всё же располагалась на западе: там рос большой баньян, и после еды, когда у жителей не было дел, они собирались под деревом поболтать. Чтобы пройти на восток, нужно было ещё свернуть на другую дорогу, поэтому дома, расположенные на восточной стороне, в основном принадлежали тем, кто поселился позже, то есть среди них было больше пришлых семей.

А двор Сюй Гуаня находился в самой глубине восточной стороны. Ни справа, ни слева соседей не было, только его одинокий дом, и выглядел он немного сиротливо.

Чжоу Сяолэ с любопытством несколько раз посмотрел на дом Сюй Гуаня: большие серые кирпичи, широкая черепичная крыша, огороженные передний и задний дворы, всё это по размеру тянуло на три его дома. Просто на восточной стороне жило мало людей, иначе ему бы не досталось столько земли, чтобы обнести её двором; но это также показывало, что хозяин он вовсе не бедный.

— Вот продам лапшу, заработаю денег и тоже поставлю себе дом из серого кирпича под большой черепичной крышей: спереди деревья посажу, сзади бамбук. Главное преимущество - летом комаров будет много, — Чжоу Сяолэ сам с собой говорил, покачивая головой, а договорив, ещё и причмокнул, находя это весьма неплохим.

Чжоу Чуся закатал штанины и пошёл вброд через реку. Он осторожно шагал впереди и тревожно сказал:

— Лэ-гэр, как ты мог раньше так о себе говорить? А если потом правда не сможешь выйти замуж, что тогда делать?

— Если не смогу выйти замуж... — Чжоу Сяолэ уже было начал говорить, но на полуслове свернул в другую сторону. — Если не смогу выйти замуж, найду себе восемь зятьёв, которые войдут в мой дом, и в один день устрою пир. Раз мужчинам можно иметь трёх жён и четырёх наложниц, значит, маленькому гэру можно иметь трёх мужей и четырёх любимчиков. И не ради чего-нибудь, а просто чтобы остальные завидовали!

— ...

Чжоу Чуся широко распахнул глаза, глубоко вдохнул и даже забыл выдохнуть. Чжоу Сяолэ расхохотался: древних людей так легко напугать. Он как раз хотел ещё что-то сказать, когда краем глаза заметил неподалёку человеческую фигуру. Обернувшись, увидел Сюй Гуаня: тот стоял недалеко, наполовину натянув лук, и с таким же выражением, как Чжоу Чуся, широко раскрытыми глазами смотрел на него.

— ...

Вот это было уже немного стыдно. В конце концов, этот человек едва не стал его мужем.

Чжоу Сяолэ неловко кашлянул и сказал:

— Я просто несу чепуху, вы там ничего лишнего не думайте. Просто шутка.

Сюй Гуань, придя в себя, тоже смутился. Он не умел хорошо общаться с людьми и, встретив Чжоу Сяолэ, не знал, что сказать; поэтому только кивнул и повернулся, собираясь уйти глубже в склон.

— Поймай! — Чжоу Сяолэ как раз хотел найти случай поговорить с Сюй Гуанем о прежнем деле. Раз уж они случайно встретились, можно было просто всё обсудить и заранее сверить позиции.

Сюй Гуань повернул голову, немного недоумевая. Он увидел, как Чжоу Сяолэ поспешно сказал Чжоу Чуся пару слов, а потом побежал к нему.

Чжоу Сяолэ не стал ходить вокруг да около и прямо сказал:

— Раньше ты спас мне жизнь, а я ещё не успел как следует поблагодарить тебя. Впредь, если понадобится моя помощь, только скажи!

— Н-не нужно, — Сюй Гуань поспешно замахал руками. — Я ведь просто случайно проходил мимо.

— Но то, что ты спас меня, - факт. Так и должно быть, — чуть торжественно сказал Чжоу Сяолэ.

Увидев, что он говорит серьёзно, Сюй Гуань стал немного осторожен, и на лице у него появилось что-то заискивающее:

— Тогда хорошо, хорошо...

Чжоу Сяолэ почувствовал напряжение Сюй Гуаня. Он с сомнением посмотрел на него, ощущая какую-то несообразность, но не стал слишком много думать: возможно, они просто ещё плохо знакомы?

Не разобравшись, Чжоу Сяолэ оставил это и продолжил:

— Несколько дней назад моя старшая тётка вынуждала тебя жениться на мне. Ты не обязан ей подчиняться. Ты спас мне жизнь, и не должен страдать из-за моей репутации. Эти праздные пересуды я не принимаю близко к сердцу, и тебе тоже не нужно их слушать. Сегодня я искал тебя именно затем, чтобы сказать об этом.

Сначала Чжоу Сяолэ хотел найти Сюй Гуаня и обсудить с ним какой-нибудь способ, но теперь, увидев его, изменил решение. Ему показалось, что Сюй Гуань был использован старшей тёткой и выглядел немного жалко; такие дела лучше его не втягивать.

Сюй Гуань привык, что другие всё решают за него, и возражений у него тоже не было: как Чжоу Сяолэ скажет, так он и поступит. Только он думал, что если бы в тот день, спасая Чжоу Сяолэ, мог учесть ещё немного больше, возможно, репутация Чжоу Сяолэ не дошла бы до такого положения.

Но Сюй Гуань тоже не подумал о том, что в тот день Чжоу Сяолэ упал в воду ещё ниже по течению, вокруг не было ни души; если бы Сюй Гуань побежал назад звать людей, чтобы те спасли Чжоу Сяолэ, не говоря уже о переносе души и перерождении, тот, возможно, едва успев перенестись сюда, тут же снова бы захлебнулся. К тому же он уже был достаточно предусмотрителен, накинув верхнюю одежду на тонкую, промокшую и просвечивающую одежду Чжоу Сяолэ; разве во время спасения человека можно было подумать обо всём?

После разговора Сюй Гуань ушёл вглубь склона. За спиной у него были лук и стрелы, у пояса - длинный нож; со спины он походил на избалованного молодого господина, вышедшего развлечься охотой. Только Чжоу Сяолэ, вспоминая выражение его лица только что, всё равно чувствовал странность; но раз не мог понять, то и ладно. С таким свободным временем лучше уж нарубить побольше хвороста.

Пока они собирали дрова, Чжоу Сяолэ как раз осматривал склон в поисках чего-нибудь полезного. Люди говорят: у горы живёшь - горой кормишься, у воды живёшь - водой кормишься. Этот склон был невысоким, о женьшене можно было не мечтать, но дикие овощи - то должны быть, верно? Или можно найти какие-нибудь лесные плоды, их тоже можно продать за деньги; а если уж совсем ничего, чуть глубже на склоне всё равно была бамбуковая роща - можно посмотреть, не найдутся ли там побеги бамбука на еду.

Стоило подумать о бамбуковых побегах, как ему и правда захотелось их съесть. Все эти дни они пили кашу с солёными овощами, дома овощей не выращивали, из живности было только две курицы; денег у него на руках не было, у старшей сестры, наверное, тоже немного, и просить у неё он не думал. Теперь, раз уж вышел, как раз можно выкопать немного бамбуковых побегов, обжарить тарелку на свином жире, и это уже будет улучшением питания.

Подумав об этом, он сказал Чжоу Чуся, что хочет сходить посмотреть бамбуковую рощу, и они вдвоём направились туда. По дороге он не пропускал ни одного знакомого растения: если оно было съедобным, сразу срывал. Только сегодня он ведь изначально вышел всего лишь собирать хворост, а теперь, если ещё брать с собой дикие овощи, донести их, пожалуй, будет трудно.

— Брат Ся, ты умеешь плести верёвки? Через некоторое время у нас будет много всего, нести домой будет неудобно, — Чжоу Сяолэ совершенно не умел плести, так что оставалось надеяться лишь на Чжоу Чуся, который с детства рос в этой эпохе.

— Конечно умею. Только верёвки, может, не хватит. Я сейчас найду немного лиан, скручу их в жгуты, ещё можно сплести сетку - так нести будет удобнее!

Достойный послушный ребёнок, выросший в деревне. Чжоу Сяолэ поднял ему большой палец. Чжоу Чуся не понял значения этого жеста, но увидел в глазах Чжоу Сяолэ восхищение и невольно показал пару маленьких клычков, счастливо улыбнувшись.

Чжоу Сяолэ рассмеялся и сказал:

— Сейчас пойду выкопаю немного бамбуковых побегов, вечером можно будет обжарить их на свином жире.

— Копать бамбуковые побеги? Но некоторое время назад деревенские уже всё выкопали. Новые ещё не выросли.

— ...

Надежда на жареные побеги бамбука рухнула, но Чжоу Сяолэ не слишком расстроился; к тому же сегодня его настоящая цель была вовсе не в побегах.

Добравшись до бамбуковой рощи, он сделал вид, будто не желает сдаваться, и поискал побеги. И правда, вокруг было много следов от выкопанного, а оставались только маленькие, ещё не выросшие верхушки; похоже, через некоторое время можно будет собрать новую волну. Чжоу Сяолэ посмотрел, где находится Чжоу Чуся: тот был не слишком близко. На всякий случай Чжоу Сяолэ отошёл ещё немного дальше, а затем, пока Чжоу Чуся не замечал, достал из-за пазухи вещь, положил её на землю, присыпал немного землёй и спрятал под сухими бамбуковыми листьями. Сделав всё это, он снова оглянулся на Чжоу Чуся и увидел, что тот всё ещё вдалеке ищет лианы.

Чжоу Сяолэ сглотнул и удивлённо сказал:

— Ай-я! Что это такое? Брат Ся, подойди посмотри!

— М? Что случилось, брат Лэ? Что-то произошло? — Чжоу Чуся ни в чём его не заподозрил;

решив, что с Чжоу Сяолэ что-то случилось, он поспешно подбежал.

Когда Чжоу Чуся подошёл, Чжоу Сяолэ носком отодвинул бамбуковые листья, открывая то, что только что закопал. Это несомненно была книга!

— Э? Похоже, книга? — удивился Чжоу Чуся.

— Правда? Поднять и посмотреть?

Чжоу Чуся поднял книгу, стряхнул пыль, повертел туда-сюда и полистал. Читать он не умел, смотрел долго, но так ничего и не понял.

— Брат Лэ, ты же знаешь грамоту, посмотри, что это за книга?

Чжоу Сяолэ сказал:

— На обложке написано «Первая в Поднебесной лапша». Внутри вроде бы способ приготовления фэнь!

— Что? Готовить фэнь? А что такое фэнь?

— Фэнь - это... — Чжоу Сяолэ на миг и сам не понял, как объяснить. Он никак не ожидал такого поворота. Похоже, в эту эпоху, по крайней мере у них, никто не готовил такое кушанье, как фэнь. Раз такого кушанья нет, с хорошей стороны это было ново, а редкая вещь ценна; с плохой же стороны - никто не пожелает тратить деньги на еду, которая никогда прежде не появлялась и о которой неизвестно, вкусна ли она и стоит ли её есть.

Чжоу Чуся тоже не придавал этому особого значения и продолжил спрашивать:

— Фанцзы - это лекарственный рецепт?

О слове «рецепт» он обычно слышал только когда ходил лечиться к лекарю Чжоу, поэтому подумал, что «фэнь» - это какое-то лекарственное сырьё.

— ...Нет, фэнь - это еда. Давай так: сначала заберём книгу домой и посмотрим. Я только что немного пролистал - делать фэнь, кажется, несложно. Вернёмся и попробуем по рецепту, получится ли приготовить. Если получится вкусно, может, мы ещё сможем делать фэнь и продавать за деньги.

— Что? Ещё и продавать за деньги можно? Тогда... тогда если мы её подберём, а хозяин этой книги вернётся искать и не найдёт, что делать?

— Эта книга столько времени была закопана здесь, а никто её не забрал. Думаю, прежний хозяин уже выбросил её. Раз мы смогли её найти, значит, это тоже судьба, — Чжоу Сяолэ на ходу сочинил причину. Эта книга и так была написана им самим за несколько дней; никакого прежнего хозяина вообще не существовало. А если Чжоу Чуся не сумеет это принять и станет упрямо требовать закопать её обратно? Тогда вся эта разыгранная им пьеса разве не окажется напрасной?

— И то верно. Книга вся потрёпанная и рваная, наверняка пролежала здесь очень долго. Если бы хозяин её ценил, разве стал бы так просто бросать такую важную книгу? Книги ведь самые-самые хорошие вещи! — сказал Чжоу Чуся и немного тревожно, тихо вздохнул.

Чжоу Сяолэ понял, о чём он думает, подумал немного и сказал:

— Брат Ся, а может, ты будешь учиться у меня грамоте? Не для экзаменов, просто чтобы в повседневной жизни уметь читать и понимать. Как тебе?

Чжоу Чуся застыл, а потом радостно спросил:

— Правда? Я тоже могу учиться грамоте?

Чжоу Сяолэ обрадовался в душе и сказал:

— Конечно правда. Но сейчас нам сначала нужно отнести домой хворост и дикие овощи, а потом как следует изучить эту «Первую в Поднебесной лапшу». Если её можно продавать за деньги, будем делать вместе!

— Хорошо, хорошо, хорошо!

Собрав вещи, они больше не стали медлить и поспешно отправились домой.

<http://bllate.org/book/17639/1648494>